Василий Буславьевич (Молодость, учение, расправа с новгородцами, путешествие и смерть) (2)

Ишше прежде Резань слободой слыла,
И ноньце Резань-та словёт городом.
А во той-де Резани, славном городи,
Ишше жил-то был Буславьюшко — состарылсэ,
Он состарылсэ-то, Буславьюшко, — представилсэ.
Оставалась у Буславьюшка любима семья,
А люба-де семейка — молода жена,
А чесны вдова Омельфа Тимофеевна.
А оставалось у Буславьюшка чадо милоё,
Ишше милоё чадышко любимоё.
Он не мал, не велик осталсэ — трёх ґодов;
Он ходит играть с ребятами на улицу —
А играёт-де Васенька не по-доброму,
Не по-доброму играет, не по-хорошому:
А которого Васька хватит за руку —
А у того робёнка да руку оторвёт;
А которого Васька хватит за ногу —
Он у того робёнка дак ногу выдернёт;
Он вперёд попехнёт — дак живота лишит.
Как приходят мужики-новогоро́дяна,
А приходят ко чесной вдовы со жалобой:
«Ты чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ты уйми-тко, уйми своё чадышко милоё,
Укроти-ко-се его серцо ретивоё!
Ишша ты не уймёшь — дак мы сами уймём:
Ишша купим мы зельица на петьсот рублей,
Придаим мы ведь Васьки смёртку скорую,
Укоротам у Василья веку долґоґо,
Да полишим мы у Васьки да свету белого!»
Ишша это Василью-то за беду стало,
За великую досадушку показалосе.
Говорыт он своей маменьки родимое:

«Уж ты ой еси, маменька моя родимая!
Ты отдай-ко меня ноне за учителя —
Как учицьсе мне грамотку тарханьскую.
Коґда выуцюсь я грамоту тарханьскую,
Я тоґда с мужиками приуправлюсе!»
А отдает его матушка за учителя —
А уцицсе ему грамотку тарханьскую.
А и Васьки-то грамотка скоро далась,
А скоре того в ум ему понялась же:
Он выуцилсе же в грамотку тарханьскую.
Он брал-де казны себе бещотное,
Он пошол-де, Василей, на царев кабак,
Откупил он вина три сороковоцки.
Он перву сороковоцьку на плецё здынул,
Он вторую сороковоцьку взял под пазуху,
Он третью сороковоцьку ногой катит, —
А прикатил-де он бочку да до широкого двора.
Он поддёрнул-де чан дак середи двора,
Наливал-де он чан дак зелена вина,
Он спускал-де ведь цяроцьку серебрену,
Он серебряную цяроцьку позолочену,
Он не малу, не велику — полтора ведра.
Он на цяроцьки-то подписи всё подписывал:
«Да хто выздынёт эту цяроцьку единой рукой,
Да хто выпьёт эту цярочку к едину духу,
Состоит у Василья под черляны́м вязом —
Тот и будёт-де Васеньки названой брат».
Он писал-де ерлыки, запечатывал,
Запечатывал — по улицям розбрасывал.
Тут идёт-де Фома Толстокожевников —
Он берёт-де ёрлык, да роспечатывал,
А роспечатывал ёрлык дак сам просматрывал:
«Мне итти было к Васьки на почесьён пир
Хлеба-соли-де исть да вина с мёдом пить!»
Как подходил Фома дак ко красну крыльцу,
И заходил Фома на красно крыльцо,
А ступаёт к Василью-то на широкой двор.
Он прималса за чарочку единой рукой,
Выпивал-де он цяру к едину духу,

Становилсе к Василью-ту под черленой вяз.
А ишше бьёт-де-ка Васька черляным вязом —
А у Фомы-то ведь кудерьцы не тряхнуцьсе,
Да и сам-де Фома-то не ворохницьсэ.
А и стал-де Фома Васьки названой брат.
А идёт-де Костя Новоторжанин —
Он берёт-де ерлык, дак роспечатывал,
Роспечатывал ерлык, сам просматрывал:
«До итти было к Васеньки на почесьён пир
Хлеба-соли где-ка исть да вина с мёдом пить!»
А как подходит-де Костя ко красну крыльцу,
А заходил-де ведь Костя на красно крыльцо,
Он ступаёт к Василью на широкой двор.
Он прымалсэ за чарочку единой рукой,
Выпивал-де он чарочку к едину духу,
Становилсэ к Василью под черленой вяз.
Ишше бьёт-де Василей черляным вязом —
А как у Кости-то кудерьци не тряхнуцьсе.
А и сам-де ведь Костя не ворохницсэ.
Тут и стал-де ведь Костя Васьки названой брат.
А идёт-де Потанюшка Хроменькой,
О клюку-де Потанюшка подпираицсэ,
Да ко Васильёву двору сам прыближаицсэ.
Он берёт-де ёрлык, да роспечатывал,
А роспечатывал ёрлык, сам просматривал:
«Мне итти было к Васьки на почесьён пир
Хлеба-соли-де исть, дак пива с мёдом пить!»
Он заходил к Василью на красно крыльцо,
Он ступаёт к Василью на высокой двор,
Он прымаицсэ ведь за цяроцьку единой рукой,
Выпиваёт он цяроцьку к едину духу,
Становицсэ к Василью под черленой вяз.
Ишше бьёт-де Василей черляным вязом —
Да у Потаньки русы кудерци не тряхнуцьсе,
А и сам-де Потанюшка не ворохницсэ.
А и стал-де Потанюшка Васьки названой брат.
Тут идут мужики-новогородена,
А берут они ерлык, дак роспечатывают,
Роспечатывают ерлык, сами просматрывают:

«Нам итти было к Васеньки на почесьён пир
Хлеба-соли-де исть да вина с мёдом пить!»
Заходили-де к Васеньки на красно крыльцо,
А ступали к Василью на широкой двор,
А прымалисе за чарочку семёрыма же,
А выпивали эту чару десетёрыма же.
Ишше это-де Васеньки за беду стало,
За великую досадушку показалосе.
Тут начал-де Васенька по двору похаживать,
Он черленым своим вязиком дак стал помахивать,
Он стал мужиков дак поколацивать.
А поползли мужики больше о́карать,
А которы ушли, да кои тут слегли:
«Кабы не пито у Васеньки, не уедёно —
Вековесьноё безвечьецё залезёно!»
Собраласе тут дружинушка у Васеньки хоробрая.
А говорыл он своей маменьки родимое:
«Уж ты ой еси, маменька моя родимая!
Ишше дай мне благословленьё итти дак за синё морё
А ко тому-де ко граду да Ерусáлиму,
Во святой нам святыни да помолитисе,
Ко гробницы Христовой прыложитисе,
Во Ердани-реки нам приоммытисе,
На плакуне-травы нам покататисе!»
Говорыт его маменька родимая:
«Уж ты ой еси, Василей сын Буславьевиць!
А не ходи ты, Василей, за синё морё:
Потеряшь ты, Василей, свою буйну голову!»
Ишше этому Василей не поваровал.
А снастили-соружали они черлéн карáбь,
Собралась их дружинушка хоробрая,
Отвалили рибятушка за синё морё.
Они шли-де по морюшку по синему,
Доходили до града Ерусалима,
Становили свой карабель черленой же,
Выходили на прыстань на карабельнюю
А пошли-де во святую святыну молитисе.
Во святой-де святыни помолилисе,
Ко гробници Христовой прыложилисе,

Во Ердани-реки они приоммылисе,
На плакуне-травы они покаталисе,
А пошли-де ребятушка на черлен карабь.
Отвалили ребятушка за синё морё
А под те жа ведь горы Сарацынския.
Подходили под горы Сарацынские —
Говорыт-де Василей сын Буславьевиць:
«Уж ты ой еси, Фама Толстокожевников,
Ты прымахивай-ко парусом о круту гору,
Уж ты ой еси, Костя Новоторженин,
Приво[ра]чивай карабь да ко крутой горы!
Уж ты ой еси, Потанюшка Хроменькой,
Ты выскакивай-ко-се на крут берег!»
Тут выс[ка]кивал Потанюшка на крут берег,
Выходили дружья́-братья на крут берег
И пошли-де на гору Сарацынскую
Ишше к чудному кресту — они помолитисе.
А идут они на гору-ту Сарацынс[к]ую, —
И лежит голова боґатырьская.
И идёт-де ведь Васька — голову попинывать.
Говорит тут голова дак боґатырьская:
«Уж ты ой еси, Василей и сын ты Буславьевиць!
Не пинай голову ты, не ругайсе же:
Ишше был я богатырь-от — не твоя чета,
Не твоя был чета я, не твоя верста —
Я умею лежать на горы на Сарачинское!
А тебе же, Василей, нонь то жé будéт!
Я тягалса с саратиной долгополою,
Я тягалсэ-боролсэ да ровно три года —
А и тут же саратинушка она перехитрила,
А и тут же саратинушка она перемудрила:
Накопала перекопов глубокиех.
Ишше перв-от перекоп конь перескоцил,
Да и второй-от перекоп конь у мня перескоцил,
А и в третьём-то перекопи конь обрюшилсэ —
Тут сняла саратина у мня буйну голову!»
Ишше етому Василей-от не поваровал:
Он идёт, голову пушше попи́нывать.
Как сходили ко кресту они, помолилисе,

Помолилисе, назадь они обратилисе.
А в полу-то горы Сарацынское
И очу́дилса ноне сер-горюч камень —
А не обойдёшь камня, не объедёшь же;
А в вышину-ту-де камень да три сажени же.
Говорыт тут Василей да сын Буславьевиць:
«Ты скаци-ка, Фома Толстокожевников!»
А скоцил-де Фома — дак он да перескоцил,
Да скакал-де ведь Костя Новоторженин.
Говорыт-то Василей сын Буславьевич:
«Мне-ка жалко Потанюшки Хроменького —
У Потанюшки ножецьки коротеньки!»
Как скоцил-де Потанюшка — перескоцил.
Как скоцил-де Василей-от сын Буславьевич —
Высоко камень от земли дак прызнимаицсэ:
Ишше падал Василей на сер-горюць камень;
Он скипел-де, сгорел на сер-горюцём камне.
И ишше тут по Васильи славы поют,
А славы-де поют да старину скажут.
Тут заплакала дружинушка его хоробрая,
И пошли-де они и на черлен карабь,
Отвалили-де за морё за синеё.
И пришли они к матушки родимое,
Говорили они да таковы слова:
«Ты чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
Що осталось твоё чадышко любимоё
А на той же на горы на Сарачынское:
А скипело-сгорело на сером камне!»
Тут заплакала Омельфа Тимофеёвна:
«Говорыла своему чадышку любимому:
„Не ходи-ко-се, Василей, за синё морё,
Потеряшь ты, Василей, и буйную голову!.."»

(Зап. А. Д. Григорьевым 15 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тя́росова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.